

Воздушный стрелок. Боярич

Автор:

Антон Демченко

Воздушный стрелок. Боярич

Антон Витальевич Демченко

Воздушный стрелок #1

Говорят, жить надо так, чтобы после смерти боги предложили тебе повторить. Если так, то это определенно был тот самый случай. Случай и воля древнего божества, занесшего бывшего военного инструктора в тело четырнадцатилетнего подростка с советом-наказом продолжать «учительствовать». Вот только где найти время на столь благородное дело, когда вокруг закручиваются какие-то непонятные, но явственно пахнущие опасностью интриги. Нежданно обретенная родня так и норовит подкинуть неприятностей, а то и просто спалить к чертям, пользуясь Даром и фамильной склонностью к Пламени, а давно сгинувшие родители его «нового» тела даже после смерти умудряются подкидывать сюрпризы.

Антон Демченко

Воздушный стрелок. Боярич

Пролог

Выстрел, еще один... Сухо клацнул затвор, и последняя гильза тихо звякнула о плитку пола. Аллес. А теперь вон из кухни.

Осторожно выкатившись в открытую дверь, ухожу в тень, под лестницу, ведущую на второй этаж. Здесь люк в подвал, но туда мне нельзя. Обнаружат и закидают гранатами: деться из подвала некуда и спрятаться не за чем. Пустой он, последнюю бочку пятилетнего меда я вывез в город еще неделю назад.

Покрутив в руках старого доброго «Яру»[1 - Пистолет системы Ярыгина.], вздыхаю. Патронов нет. Из другого оружия – лишь не менее старый охотничий нож на поясе, без которого я даже по собственному дому не хожу. А значит, остается надеяться только на собственное тело, верный клинок... и разум, конечно. Впрочем, в отличие от того же ножа, последний стал частенько отказывать, отправляя меня в забытие в самые неожиданные моменты... Ладно, главное – чтобы сейчас обошлось...

Я глубоко вдохнул, на мгновение расслабляя тело, и постарался «раствориться». Воспаленный предатель-мозг тут же ответил судорожным уколом боли, но обращать на нее внимание мне нельзя... а значит, побоку. Сосредотачиваюсь и медленно выдыхаю... стараясь абстрагироваться от нарастающей головной боли. Получилось... Ощувив, что «отвод» заработал в полную силу, я медленно, шаг за шагом двигаюсь в тени лестницы, туда, где ясно чувствуется биение чужой жизни. Кажется, я отчетливо могу услышать азартный, напоенный адреналином стук сердца одного из тех уродов, что сегодня пришли ко мне в гости, без приглашения и с громко стреляющими подарками наперевес. Мы с «Ярой» изрядно проредили состав визитеров, гостеприимно угостив их свинцовыми конфетами, но... Восемнадцать патронов – это немного даже в тире, а уж при «живой работе» и вовсе слезки. Тем более когда по ту сторону прицела не лихоимцы с распальцовкой, а вполне резвые и шепутные наемники, только... несработавшиеся какие-то, что ли? И вялые... то есть слишком уж осторожные. Им бы по дому частой гребенкой пройти, с закатыванием гранат в каждую комнату... да и с планированием явные проблемы, и... Ладно, хватит нудеть. Чай, не на полигоне молодняк натаскиваю. Да они меня и так прижали, если честно. Что называется, ни вздохнуть, ни пискнуть... Ну ничего, мне сейчас только дорожку расчистить, а в лесу мы еще поборемся... Вперед, к летнику, там выход на балкон и гульбище. Но последнее мне ни к чему, из него только во двор можно попасть, а он насквозь простреливается. А вот балкон – самое то. Аккурат над обрывом. Плохо, что именно в летнике-то как раз и засел один из «гостей». Вот он. Я аккуратно погладил ладонью по тонкой перегородке, кожей ощущая прислонившегося к ней с той стороны человека, чье внимание было направлено на расположенный рядом дверной проем. Ну, здравствуй, гость молодой-задорный... И чего тебя понесло в гости к старому больному отшельнику, а?

Двадцатисантиметровый клинок легко преодолел перегородку, а раздавшийся следом легкий вздох отозвался продравшим нутро холодом чужой смерти и очередным уколом головной боли, как наказанием за разгон, который, собственно, и позволил мне пробить насквозь пять сантиметров дубовой доски. А вот следующий приступ был настолько неожиданным и скорым, что я просто рухнул на пол. Но не оставлять же было единственное оружие в стене? А без того же разгона мне его оттуда было никак не вырвать. Зато упал я, как оказалось, очень вовремя. За стенкой раздался чей-то сдавленный мат, а затем целая очередь хлопков-плевков, и дерево перегородки надо мной вспучилось щепками. Точно садит, паскуда.

Плохо. Нет, не то плохо, что приступ меня свалил, хотя и это не лучшая новость. Еще утром от пары-тройки таких ускорений-усиления я и усталости не почувствовал бы... А то плохо, что в летнике не один «веселый сорванец» был, а как минимум двое, и этого второго я не почувствовал... Или это был тот, что с кухни меня выдавил? С гульбища вошел? Черт, как не вовремя...

Кое-как справившись с накатившей слабостью, я вновь ушел в тень, пока не сполз отвод глаз и сидящий где-то снаружи снайпер не высмотрел меня в окне... Огромном, черт его дери, панорамном окне. И дернуло же меня поставить это... буржуйство! Виды, понимаете ли, из него красивые открываются. Ну, вот теперь и шхерься от снайперов, идиот старый!

Стоп! Если этот второй, что сейчас настороженно держит на прицеле дверь из летника в холл, в доме, то на гульбище должно быть пусто, так? Посчитаем. Было две пятерки. Часть я... оприходовал еще в самом начале штурма, заодно нарушив их план атаки и «вскрыв» двух снайперов. Хех, были бы они поопытнее, хрен бы обнаружили, но эти явно желторотики. Ни терпения, ни выдержки. Вот и раскрылись, пока я у них на глазах первых двух штурмовиков снимал. Затем еще двое, уже в доме, вон один в холле, прямо перед лестницей лежит, другой на кухне, и последний из первой пятерки только что, в летнике. Осталась еще одна группа. Трое идут с левого крыла дома, еще двое были на гульбище. Теперь один из них сторожит меня все в том же летнике и... бубнит, дятел такой, в гарнитуру. Прибарахленные ребятки, но... аматоры, чтоб их! Кто же так дом штурмует?! Ла-адно, повоюем. Я вам покажу, как по шерсть ходить, к старым больным отшельникам...

Так, определимся, кто есть где и ху из кто... Заранее морщась от неминуемой расплаты за следующий шаг, я тихохонько убрался под лестницу и, до предела

накрутив чуйку, принялся «осматриваться». Точно, трое лезут по второму этажу с левого крыла, один в летнике, а пятый, пятый-то где?.. Нашел.

Он, оказывается, занял прежнее место чуть не уконтрапупившего меня мстителя за резьбу по горлу. На кухне засел, сволочь. А значит, к гульбищу и соответственно закладке с оружием мне отсюда ходу нет. Ла-адно. Мы пойдем другим путем. Сгибаясь от боли, раскаленными шурупами вворачивающейся в мозг, я пополз под лестницу. Нет, спуск в подвал мне по-прежнему был ни к чему, а вот двери, ведущие в левое крыло, точнее, пустующий первый этаж этого крыла – то, что надо. Там имеется дверь на второй балкон, выходящий на реку.

Жаль, к тому орлу, что «разлегся» на полу холла, не подобраться. Никакой отвод глаз не спасет. А как бы мне сейчас его машинка пригодилась... Эх, ладно.

Шаг, другой – и вот я уже в гостиной-библиотеке. Да-да... знаю, старомодно. Но вот люблю я бумажные, «живые» книги... Причем давно. И коллекцию свою начал собирать лет эдак двадцать назад, с лейтенантских погон. Жаль оставлять всю эту роскошь, но чую, что больше я своей библиотеки не увижу. Как пить дать, сожгут, твари, вместе с домом. А потом и счет будет некому выставить... уж я постараюсь.

Окинул взглядом строгие линии массивных книжных полок, за которыми и стен-то не видно, и, не спускаясь вниз, прошел по галерее к выходу на балкон.

Осторожный взгляд в окно, на противоположный берег, опушку и возвышающийся за ней гигантским частоколом сосновый бор. Светлый, радостный... м-да. Хорошее место для дома я выбрал.

Раздавшийся у дверей в холл шорох заставил меня поторопиться. Опустившись на четвереньки, коlobком выкатываюсь на балкон и, бросив короткий взгляд вниз через фигурную прорезь ограды, одним движением взметнув свое тело над перилами, солдатиком ухажу под воду, еще успев услышать звон бьющегося стекла над головой. Почти успели, паскуды... ну да ничего, на той стороне потягаемся.

Не торопясь выныривать на поверхность, я погреб вниз по реке. Казалось бы, вода прозрачная, глубина небольшая, бей – не хочу. Да черта с два! День солнечный, и река сейчас вся в бликах, переливается, словно рыба чешуя,

ни хрена под водой не рассмотреть. А значит, ходу. Подталкиваемый течением, я вскоре оказался довольно далеко от дома и, добравшись до небольшой заводи, где любил порыбачить время от времени, вынырнул и с шумом вдохнул такой сладкий воздух. Но не успел выбраться на берег, как левое плечо резко дернуло назад, а по рубахе тут же начало расплываться красное пятно. Еще один толчок, на этот раз в грудь, на месте удара расцветает еще один алый цветок, и я, еще не понимая толком, что произошло, заваливаюсь на спину.

Боли нет... даже той, давно ставшей привычной, хоть и нежеланной соседкой, что последние пять лет ежесекундно нудила у меня в голове. А надо мной чистое, без единого облачка, голубое-голубое небо. Ветер несет от леса тепло и запах хвои, а под руками шуршит пересыпающийся песок. И так легко...

Понимаю, что на этом все... и губы расплываются в улыбке. А все-таки я ее наколол. Оставил Безносую с носом, ха! И сдох не от болезни, грозившей превратить сильного сорокалетнего мужчину в безумную развалину, не способную самостоятельно добраться до «очка», а в бою, как и положено воину с незапамятных времен, с клинком в руке. Рука сжимает шершавую роговую рукоять старого охотничьего ножа, небо заполняет все вокруг меня... и я тону в его необъятной глубине.

– Росомаха?! Ты? Но... – Голос появившегося словно из ниоткуда человека в лесном камуфляже раздался совсем рядом, но лежащий на песчаном берегу, раскинув руки, мертвец его не слышит. А тот несколько секунд постоял над убитым, катнул желваки и, прижав к горлу передатчик ларингофона, заговорил резко и зло: – Цель поражена. Группам – отход... Первый – Десятому...

– Все вопросы на базе, Десятый, – тут же откликнулся Первый. – Выдвигайтесь к точке.

– Есть все вопросы на базе. Отбой, – снайпер отключил гарнитуру и, сгорбившись, скрылся в лесу.

Росомаха... Это я. Помню... Еще лет десять назад на это прозвище я откликался чаще, чем на имя-отчество или даже на звание. Звание? У меня было звание? А... да, было. Капитан. Майора я получил уже «под занавес», так сказать.

«Смежники» из ГРУ постарались, без их помощи, скорее всего, меня так и отправили бы в отставку капитаном. Да... Хорошие были ребятки. Вот уж кто учился с полной отдачей...

Вон хоть того же Яблочкина взять... снайпер от бога, а с моими тренировками вообще цель чуть ли не с закрытыми глазами вести мог. Вот и довел, да...

– Сердишься на него? – Я и не заметил, как голубое небо вокруг меня потемнело, за клубилось серой хмарью... А уж то, что я оказался здесь не один, и вовсе стало сюрпризом. С другой стороны, а не все ли равно?

– С чего бы? – Я пожал плечами... и не почувствовал их. Хм... странное ощущение. Точнее, неощущение. Ну и черт с ним. – Он выполнял приказ. Значит, наши заклятые друзья узнали то, чего знать им было совсем не нужно...

– И ты так легко об этом говоришь? – поинтересовался все тот же незримый собеседник.

– Хм. А чего мне огорчаться? Жить и так оставалось хрен да несколько... если это, конечно, можно назвать жизнью. Обидно только, что не увидел, как зачистили ту сволочь, что сдала мою школу... Это да, огорчает. А смерть? Пока мы есть, ее еще нет, когда мы умираем, ее уже нет... Так что она всего лишь миг...

– М-да, забавное мироощущение. Или это последствие твоей болезни? – В голосе моего собеседника послышался явный интерес.

– Скорее, результат жизненного опыта, – хмыкнул я в ответ. – А болезнь... да. Знаешь, чего я больше всего боялся в последние годы? После того как узнал о раке мозга и остальных плюшках Дара? Стать овощем или загнуться от боли на больничной койке. Десятка подарил мне лучшую смерть, о какой я мог мечтать. Это тот самый снайпер... Яблочкин. Ему поначалу совсем другой позывной дали, но... командованию пришлось не по нраву мат в эфире, пришлось придумывать что-то другое... – Меня пробило на болтовню... интересно, с чего бы это?

– Да-да. С оружием в руке, в бою... – перебил меня собеседник и задумчиво добавил: – Заделался, понимаешь, попечителем богоугодных заведений

на старости лет. Богоугодных... Ха!

Серую хмарь вокруг прорезали ослепительные росчерки молний, под безумный хохот моего невидимого собеседника, и пространство сотряслось от громовых раскатов, эхом покотившихся вслед его смеху.

– Кхм.

– А, да... Ладно, герой-викинг модернизированный. Где один, там и другой... правильно? – отхохотавшись, проговорил мой собеседник. – Живи. Заодно и мозги местным идиотам вправишь, а то они что-то явно недопоняли... а второй раз Илью выдергивать я не стану. Обещал.

– Ч-чего? – не понял я.

– Чего-чего. Катись, говорю, инструктор Росомаха. Считаю, у тебя теперь новое задание... и пополнение. Учи на совесть, – рявкнул голос.

Серая хмарь вокруг потемнела еще больше, сгустилась... А потом... я его все-таки увидел. Удаляющийся силуэт, подсвеченный всполохами мерцающих где-то за моей отсутствующей спиной зарниц.

Вот он замер на мгновение, повернул голову... Блеснули серебром в отсвете близкой молнии длинные вислые усы... и тьма растеклась передо мной, поглотив все и вся... Вот это глюк... Предсмертный, да.

Часть первая

Стертые лица

Глава 1

Тренировки – залог долгой жизни... за редким исключением

Утро раннее, летнее... но прохладное. Когда лежишь на лапнике посреди небольшого и редкого, насквозь продуваемого леса, последнее обстоятельство особенно неприятно, а уж вкупе с выпавшей росой – так и вовсе становится грустно. Хлопок! Над лесом взметнулся ослепительно-белый огненный шар, хорошо заметный даже днем. Этаким вариантом сигнальной ракеты, не требующий наличия ракетницы и зарядов к ней. Вместо нее – боец-стихийник... уровнем не ниже воя.

– Эй, малахольный! Время вышло, урок окончен, – звонкий девчоночий голос разнесся по перелеску.

Ага-ага. Так я и повелся. Можно подумать, что это не вам вчера утром тренер зачитывал условия «игры». Урок будет окончен только в тот момент, когда я коснусь ворот поместья... или когда меня спеленают противники. Вот если бы этот огнешар запустил Владимир Александрович... Эх, но выбирать все одно надо. Время прятков почти вышло, и я ни на секунду не сомневаюсь, что скоро в ход пойдут объемные поисковые техники, что в исполнении таких пироманов, как обе мои кузины и кузен, означает одно: искать и пеленать они меня будут огненным же «неводом». Все никак не наиграются с поддавшейся им наконец стихией... А значит, легкие ожоги, как и быстрое обнаружение, гарантированы.

Осторожно выкапываюсь из кучи лапника, в которой устроился всего пару часов назад для короткого отдыха, прислушиваюсь, чуть тронув Эфир, и, убедившись, что в радиусе сотни метров нет ни одного человека, ме-эдленно начинаю отползать в сторону небольшого оврага. По его дну протекает мелкий, но очень звонкий ручей, и он замечательно скроет мое передвижение, когда я окажусь на открытой местности.

Полчаса ползком на пузе по дну ручья, и... я оказываюсь у самых ворот поместья. Аккуратно выглядываю из той небольшой канавы, в которую превратилось русло ручья, и замечаю мнущегося у ворот братца. Можно было бы воспользоваться кое-чем из моего «эфирного» арсенала, но... Лешка расположился аккурат под артефактами системы наблюдения, а отец в своих «записях» действительно не советовал «светить» технику... до совершеннолетия. Что ж, придется действовать более, хм, естественно.

Не дожидаясь, пока стороживший подходы к воротам брат обернется, накидываю ему на шею воздушную удавку. Вот так, опыта у Алексея маловато, да и одновременно держать защиту и «ощупывать» пространство вокруг он пока не может. А ручей очень неплохо укрыл меня от внимания этого любителя огня. Говорил же Владимир Александрович, не надо сосредотачиваться только на одной стихии. Так ведь нет, «мы, Громы, прирожденные огневики...». Выпендрейчики... ну да-да, завидую. Мне-то ни Пламени, ни Тверди не видать, способностей «не хватат». А, чего уж теперь...

Ха, вот и результат. Лешка прожигает меня взглядом, но не дергается. Знает братик, что такое воздушная удавка... подношу руку к створке ворот... на миг чувства взывают от близкой опасности... поздно. Обжигающий жар развернувшегося полотнища огня отшвыривает меня в сторону. Боль ожогов, сначала вроде бы несильная, уже через секунду превращается в нечто совершенно нестерпимое... Зубы скрежещут, стирая и обкалывая эмаль, а чудом не пострадавшие от жара глаза начинают слезиться. Сквозь отдающую алым муть все-таки замечаю довольную ухмылку брата...

Артефакт. Грязно играют р-родственнички. Ну ничего, потягаемся еще. Бросаю на Алексея короткий взгляд, и так и не сброшенная, но изрядно ослабленная воздушная удавка вновь наливается силой. Брат шатается. Отлипаю от асфальта и поднимаюсь на ноги, под потрескивание обугленной ткани и... кажется, кожи. Старательно не глядя на собственное дрожащее от боли тело, медленно подхожу к Алексею. Губы раздвигаются с явно ощутимым треском, и рот наполняется кровью. Кажется, все еще хуже, чем я думал...

– Снимай защиту с ворот. – Брат отшатывается от моего сипа и бледнеет. Продолжаю наступать, сильнее сжимая удавку и чувствуя, что еще немного – и сознание окончательно меня покинет. Слишком сильная боль... слишком. – Быстро... бр-рат.

Не успеваю. Сзади раздается топот. Это сестренки бегут на помощь. К сожалению, не мне. В этом я успеваю увериться, когда спину перечеркивает-обжигает удар огненного хлыста.

– А ну прекрати, кретин мелкий! – Доносится до меня крик одной из близняшек, и это последнее, что я успеваю. А потом вокруг становится темно... и я падаю в блаженное беспамятство.

– Вы что, совсем оборзели?! – Моложавый, подтянутый мужчина в легком тренировочном костюме окинул яростным взглядом мнущуюся в центре комнаты компанию из юноши и двух девушек лет шестнадцати-семнадцати на вид. – Кто вам, соплякам, позволил лезть в оружейку, и, самое главное, как вы додумались использовать на тренировке боевой артефакт класса «крепость»? И против кого? Собственного брата!

– Может, не стоит так наседа́ть на молодежь, Владимир? – Возникший на пороге, импозантный в своем темно-бордовом костюме-тройке худощавый седовласый старик замысловато крутанул в воздухе тростью красного дерева. – В конце концов, ничего непоправимого не произошло, не так ли? Парень жив, врачи гарантируют, что все ожоги будут сведены за неделю... да и ребятки наверняка уже поняли, что перестарались... Ведь поняли же?

Ответом остро глянувшему на «ребяток» старику были энергичные кивки и полные такого раскаяния взгляды, что, заметив их, Владимир скривился. Как же... поняли они. Впрочем, старик, казалось, был удовлетворен этим показным осознанием вины, так что тему можно считать закрытой.

Спустя два часа, после доклада владельцу имения и присутствия на коротком «официально-домашнем» обеде, тренер стоял в медицинском блоке у окна небольшого бокса, где в просторной ванне, заполненной даже на вид противной жижей, плавало опутанное многочисленными датчиками тело находящегося без сознания паренька. А вокруг мерно пикали на разные голоса с полдюжины медартефактов.

– Бежать тебе отсюда надо, Кирилл. Долго ты таким «тренажером» не проработаешь. Если сестры с братом не дожмут, так старшие сожрут, – тихо, почти неслышно вздохнул тренер, отворачиваясь от окна.

Отвернулся и не увидел, как по болтающемуся в жиже телу прошла судорога, взбаламутив ленивую субстанцию. Медартефакты в боксе словно взбесились и умолкли... чтобы через секунду вновь начать мерно попискивать и перемигиваться многочисленными рунами, словно ничего не произошло. Метнувшийся от стола целитель метеором пролетел мимо моментально похолодевшего тренера и, распахнув дверь в бокс, замер на пороге.

– Что? – Владимир тряхнул медика за плечо, но тот ловко сбросил ладонь и устремился к пациенту. Короткий осмотр артефактов, легкое возмущение в Эфире от скользнувшей по телу мальчишки диагностической сетки... и недоуменное лицо медика, повернувшегося к тренеру.

– Очевидно, сбой в оборудовании... Может, энергетический скачок? – проямлил целитель. – Но... сейчас все в порядке.

– А если не скачок? – прищурился тренер.

В ответ медик скривился.

– Тогда наш пациент на секундочку умер и воскрес... – фыркнул он. – А это, как мы знаем, совершенно невозможно.

– Ну да, ну да... – покивал Владимир. – Невозможно, конечно.

Вот только тренер, а по совместительству начальник службы безопасности рода Громовых, точно знал, что невозможным являются как раз скачки энергии в медблоке. Тройная система защиты, бесчисленное количество стабилизирующих элементов... все-таки питание медицинской части висит на той же ветке, что и системы безопасности поместья, а значит... Демоны его знает, что это значит, но точно не всплеск энергии.

– Владимир Александрович, вас Ирина Михайловна искала. Просила зайти. – Возникший рядом боец протянул командиру записку, прочитав которую тот невозмутимо кивнул и, жестом отпустив подчиненного, направился к выходу из медблока. Когда приказывает хозяйка дома, а по совместительству супруга наследника рода, тянуть не стоит. Чревато, знаете ли...

– Володя, что произошло сегодня утром и почему Кирилл не был на обеде? – Холеная женщина с властным взглядом и совершенными формами мягко повела рукой, указывая вошедшему в ее кабинет начальнику охраны на кресло. Сама она расположилась на диване, по другую сторону от низкого столика.

– Утром... произошел непредвиденный инцидент, – устроившись в предложенном кресле, проговорил Владимир. – Дети решили обойти условия поставленной им

на тренировке задачи несколько... хм-м... рискованным способом. Для чего ими была взломана оружейная, кстати, неизвестным нам пока способом, поскольку нарушения рунных цепей, как и несанкционированного допуска вообще, зафиксировано не было...

Тут Владимир заметил, как его собеседница вдруг стрельнула глазами куда-то в сторону и почти незаметно облизала губы... Вот так. Не было взлома. Добрая мамочка дала детишкам доступ ко взрослым игрушкам. Начальник службы безопасности вздрогнул, вспомнив, какие еще боевые артефакты хранились в оружейке. Хорошо, что дети взяли только защитный комплекс. Выбери они что-нибудь иное, скажем, штурмовой «Центавр», – и от поместья могли бы остаться одни обугленные руины...

Справившись с собой, Владимир продолжил доклад, а заметив, как облегченно вздохнула Ирина Михайловна, выслушав всю историю до конца, не поленился тронуть Эфир... И вынужден был в очередной раз признать, что боярские роды, бывшие опорой страны, вырождаются точно по примеру княжеских фамилий... Противно. Особенно когда понимаешь, что в душе этой красивой и умной женщины и в помине нет беспокойства о жизни родного племянника, едва не убитого ее детьми. Только облегчение от того, что глава рода закрыл глаза на случившееся... в очередной раз. И где же знаменитая поддержка рода, о которой так пафосно говорится в присяге? Где это «единым кулаком» и где эта «всемерная поддержка»? Грустно...

Открыть глаза... и быстро их закрыть, защищая от режущего и слепящего света. Хм. Кажется, я не так уж и мертв? Однако. Даже не знаю, как к этому относиться... зажрался? Да нет. С моим диагнозом мне жить оставалось хрен да нисколько. Каждый день мог стать последним. Так какой смысл в том, чтобы пережить тот идиотский бой и браво загнуться по давнему «приговору» врачей? Хотя, конечно, вляпался я с Десяткой знатно. Ну, должен же был понять, что меня специально отжимают на балкон под выстрел. Ан нет, возомнил себя самым умным – вот и поплатился... А потом... Да, еще этот идиотский разговор, что привиделся мне после... хм, после смерти? Задание... учеба... Перун этот среброусый... Мрак. Хотя учеба – это неплохо, да... Совсем неплохо...

– Кирилл, ты меня слышишь? – Раздавшийся рядом глубокий баритон отчего-то заставил мое тело дернуться, и я тут же почувствовал, как зазудела кожа... Что-то подобное было со мной, когда я валялся в госпитале с ожогами. Оч-чень

похожее ощущение. Только непонятно, с чего это я так отреагировал на имя какого-то Кирилла, если меня при рождении Романом назвали?

Вот опять... Ладно, посмотрим, что это тут такое творится. Открываю глаза... очень осторожно открываю: все-таки недавний опыт сказывается.

– Гх-хде я... – сиплый голос, почти хрип. Но не такой, как бывает от слабости или долгого молчания... Странно. Вроде бы с горлом у меня было все в порядке. Меня били? Зачем?

– Ты в медблоке поместья Беседы. Кирилл, посмотри на меня. – Человек, стоящий у изголовья моей кровати, водит растопыренными пальцами перед моим лицом. Хочу поправить его, но... в этот момент по телу проходит волна тепла, и желание говорить пропадает. Уж больно знакомое ощущение. Бывало у меня такое в присутствии людей, обладающих способностями, схожими с моими. И как правило, они относились к госструктурам... что в принципе неудивительно, учитывая, что большую их часть я сам и учил. А значит, значит, лучше пока промолчать... и осмотреться. Может быть, даже к лучшему, если меня принимают за другого.

Я присмотрелся к человеку, что продолжал совершать какие-то пассы над моим телом.

– Ну вот, другое дело... – Круглое лицо, украшенное седыми распушенными усами, почему-то тут же отозвавшись в памяти определением: «кошачьи», – умные темные глаза за стеклами... пенсне? Однако. Характерная сеточка морщин, разбегающихся от внешних уголков глаз... Про таких людей обычно говорят, что они много улыбаются. Может быть, может быть. Лицо у моего визитера весьма располагающее, как у многих докторов, кстати сказать. Почему я решил, что мой собеседник – врач? А кем еще он может быть, в своем белоснежном халате и со стетоскопом на шее. Причем стетоскоп из древненьких. Я таких, пожалуй, уж лет двадцать не видел. Хромированная вещица, сразу видно, надежно сделанная, на века, можно сказать.

– Что со мной? – еле слышно прохрипел я.

– Несчастный случай, молодой человек, – чуть помявшись и нахмурившись, проговорил врач.

О как. Интересно, доктор, и почему я вам не верю?

– Я не о том... Что со мной сейчас? – переспрашиваю, избавляя собеседника от дальнейшего вранья.

– А, вот ты о чем! – совсем другим тоном восклицает доктор, и морщинки на его лице разглаживаются. – Тут нам есть чем похвастаться. Уже почти все в порядке. Хотя справиться с твоими ожогами и повреждением позвоночника было еще той задачкой, уж можешь мне поверить, Кирюша. Хорошо еще, что глаза не пострадали. Это вообще чудо. Что же до голоса... скоро он к тебе вернется. Видишь ли, нам пришлось немного повозиться с твоими дыхательными путями. Носоглотка оказалась сильно обожжена, так что пришлось проводить оперативное вмешательство, чтобы ты смог дышать, не тревожа поврежденной слизистой. Через три-четыре дня горло придет в порядок окончательно. Возможны небольшие изменения в тембре, но... думаю, ты не будешь против, если твой голос станет чуть-чуть ниже, а?

Машинально качаю головой, а в висках долбится один-единственный вопрос: откуда? Откуда у меня взялись ожоги и когда я успел повредить позвоночник? Ну ладно, последнее еще как-никак объяснимо. Вторая пуля попала прямо в грудину. Если сила ее была достаточно велика, могла и позвоночный столб задеть... но ожоги?! Нет, тут явно что-то не так... Пытаюсь собрать из немногочисленных разрозненных кусочков хоть какое-то подобие картинки, но... все напрасно. Мысли разбегаются, веки смыкаются, и я проваливаюсь в сон...

Мне снилось что-то странное. Детство... но не мое. Мальчишка со странными, хотя и частично знакомыми мне способностями, растущий в семье с не менее странными, но куда более мощными, а порой и «горячими», в прямом смысле этого слова, умениями. И относились к нему, скажем прямо, не самым лучшим образом, судя по тому, что я видел во сне... А звали паренька, кстати говоря, Кириллом.

Проснувшись, я по старой привычке попытался вспомнить сон во всех подробностях. Своеобразная тренировка, позволяющая сохранить мой стремительно дряхлеющий разум в более или менее рабочем состоянии... Обычная, привычная процедура, только сегодня в ней явно что-то пошло не так.

Стоило мне сосредоточиться на уплывающих в небытие картинках своего бессвязного и, скажем прямо, не очень-то приятного сна, завершившегося почему-то огненной стеной, – как я едва не утонул в сумасшедшем потоке образов. И все равно не справился. Но не «захлебнулся», а просто вырубился.

Сон? Не смешите мои тапочки! Ни одно сновидение не оборачивается целой жизнью, пусть даже такой короткой, какой она оказалась у четырнадцатилетнего мальчишки по имени Кирилл Громов.

Единственное, что наводило на мысли о сне, – был факт наличия в моих видениях магии, в остальном же... все очень подробно и правдоподобно. А уж когда в гости ко мне в бокс начали шастать люди, которых я помнил по тому самому видению, и все они именовали меня исключительно Кириллом... В общем, пришлось принять как данность, что я теперь он самый и есть. Слабый стихийник, родившийся в семье, славящейся своей силой и предпочтением, отдаваемым «огненным» техникам, отпрыск младшего сына главы боярского рода Громовых, не наследующий ничего и могущий рассчитывать лишь на место в так называемых боярских детях или же на службу у государя, чтобы в дальнейшем своим горбом выслужить имение, а значит, и собственное боярское звание...

Только судя по тому, что я видел «во сне», долгая жизнь парню явно не светит. Его скорее добьют двоюродный братец с сестрами-близняшками, тренировки с которыми часто, я бы даже сказал, слишком часто оборачиваются для Кирилла отдыхом в больничной палате. Не то чтобы это было уж очень страшно, учитывая, что переломы здесь вылечивают за пару дней, а поврежденные внутренние органы приводят в порядок за неделю, но периодичность, с которой Кирилл попадал в лапы медиков, удручает и наводит на мысли об очень неприятных перспективах. А уж учитывая последний раз, на котором, собственно, и оборвалась впитанная мною память мальчишки, тенденция вырисовывается просто отвратительная.

Самое же удивительное, что после смерти родителей никто из старших родственников не пожелал взять на себя обязанность по заботе о пареньке. Ни родной дядька-наследник рода с супругой, ни дед, глава того самого рода. Кирилла, словно ненужного щенка, спихнули на прислугу, из свидетельств родства оставив ему лишь обязанность присутствовать на семейных сборищах да учебу и тренировки вместе со старшими сестрами и братом. И если на семейных собраниях Кирилл послушно исполнял роль этакого пажа

при супруге наследника рода, выполняя ее просьбы-требования с вышколенностью хорошего слуги, то терпеть подобного пренебрежительного отношения от ее детей он явно не желал и доказывал это на каждом занятии, каждой тренировке. Стремясь обогнать в учебе, на грубую силу противников, способных размазать своего кузена тонким слоем по всему полигону, отвечал хитростью и тщательно скрывааемыми «эфирными» техниками, почерпнутыми из так называемых записей погибшего отца, И ведь у него получалось, черт возьми... Если бы не подстава с боевым артефактом, отправившая Кирилла на неделю в реанимацию, то и в последний раз он вполне мог выйти победителем из нелепого соревнования, где трое воев забавлялись, а один новик просто не мог отступить, прогнуться... сдаться, в конце концов. Уважаю.

Только если я не схожу с ума и в зеркале, повешенном аккуратно напротив моей кровати «заботливыми» руками «заглянувших проведать дорогого братика» кузин, действительно отражается покореженная физиономия Кирилла Громова, значит, сам бывший владелец тела куда-то... ушел?

Стоило задать себе этот вопрос, спустя мгновение пришло понимание: действительно ушел. Куда? Черт его знает, но среброусый обещал, что там будет лучше. И, зная историю Кирилла, я не могу его винить. Остается только удивляться, как у мальчишки вообще хватило сил провести пять лет в борьбе с людьми, которые должны были стать ему опорой и подмогой...

Нет, это не пустые слова и не идеализация родственных уз, все куда проще. Каждый член боярского рода, будь он родственником по крови или принятым в боярские дети, присягает на верность роду, а тот дает новообращенному родственнику свою защиту и поддержку. Эдакий вассалитет с освященными веками условиями и обязательствами сторон... Остается удивляться, почему в отношении кровного родственника, да еще несовершеннолетнего, род отказывается исполнять те самые взятые на себя обязательства. А ведь в памяти Кирилла имеется пусть и размытое, но яркое воспоминание о том, как глава рода Громовых принимал под опеку восьмилетнего мальчика... буквально на следующий день после смерти его родителей в автоаварии... Дерьмо какое-то.

Я покосился на зеркало, тут же послушно отразившее мое новое, украшенное рубцами и стяжками лицо, лоснящееся и блестящее... последствия ожогов, однако. Хорошо еще, что здешний доктор клятвенно заверил меня в скором исправлении этого кошмара. Но до тех пор смотреть в зеркало откровенно

страшно. Спасибо, дорогие мои кузины с кузнечиком... Ишь, разрезвилисьсь... кобылы с жеребцом. Нет, Кирюха, так дальше жить нельзя. Что было, то прошло, но! Вздумают лезть опять – будем учить... жестко, больно, но доходчиво и, главное, качественно! Как и завещал... ну да, ну да, он самый, среброусый такой. Иначе подумать страшно, что они с обычными людьми творить будут, раз уже сейчас родную кровь не пожалели...

Глава 2

Господи, избавь меня от союзников...

Наверное, услышь я такие рассуждения Там, фыркнул бы недовольно – дескать, что за дурь так реагировать на сон, пусть он и был в своем роде вещим? Вот лишь одно «но»... Этот сон... воспоминания... они стали моими. Не знаю, как объяснить точнее, но... это меня гоняли по полигону две злорадно ухмыляющиеся девицы, и это моим телом, опутанным водяным «неводом», они же вместе с братом играли в футбол, пока я из последних сил держал трещащий от напряжения воздушный щит, не давая шипящим нитям воды коснуться кожи... Таких воспоминаний у меня ой как немало. И среди них есть не только эпизоды поражений и побед, но и откровенных подстав со стороны любезных кузин с кузнечиком. Не могу сказать, что Кирилл всегда был образцом благородства, нет, в такой обстановке ангелы не выживают, но до откровенной подлости он никогда не опускался. В остальном же действия младшего Громова можно охарактеризовать как вполне оправданные тактические приемы в борьбе с превосходящими силами противника. И уж точно парень никогда бы не позволил себе издеваться над проигравшими. Для него это было противоестественно и абсолютно неприемлемо. И от того, что двоюродные сестры и брат не гнушаются такой низости, ему было еще больнее.

Странно, но память Кирилла, встроившись в мою собственную без остатка, став ее неотъемлемой частью, изрядно сместила акценты в моем мировоззрении, в частности изрядно пошатнув давно ставший привычным цинизм стоящего у черты умирающего вояки, уже принявшего грядущий уход как должное. С другой стороны, иные черты моего характера... Так я толком и не смог принять умения Кирилла прощать и доверять... я никогда не прощал своих обидчиков и всегда отдавал долги. Будь то услуга или пуля в лоб, рано или поздно

«награда» находила своего «героя». За что и получил Там свое прозвище. Правда, всегда предпочитал его прямой перевод с латыни, благо такой вариант[2 - Росомаха славится своей злопамятностью, агрессивностью и хитростью, способна преследовать свою жертву десятки, а то и сотни километров. Порой этот хищник может оказаться опаснее медведя, хотя по размерам сильно ему уступает. На латыни название этого животного Gulo-Gulo. В свою очередь, gulo переводится на русский язык как обжора. Отсюда и упомянутый главным героем русско-латинский «вариант» прозвища.] подходит мне не меньше. Люблю вкусно и много поесть. А вот комиксов не люблю, очень. Потому записным острякам, интересующимся наличием у меня алмазных когтей, я без лишних разговоров устанавливаю личную портативную светотехнику... бесплатно.

Сегодня был первый день, когда здешние эскулапы разрешили мне наконец выбраться из постели и отправиться на небольшую прогулку... не дальше веранды перед медблоком. Замечательно. А то я уже устал лежать в боксе, наслаждаясь процессом выздоровления. Хотя... честно говоря, за выздоровлением своего нового тела я следил с большим интересом, поскольку такого темпа регенерации не видал даже у ящериц. Если бы Там у нас были такие врачи и такие возможности... сколько хороших ребят можно было спасти от смерти или инвалидности... М-да уж.

Поплотнее запахнувшись в халат, я нашарил под койкой пушистые и мягкие, совсем не больничные тапочки и, радостно распахнув дверь бокса, не менее весело поковылял по коридору к выходу из медблока, не забывая держаться стенки.

Оказавшись на веранде, я остановился и, отдышавшись, устроился на небольшой лавочке. Ноги дрожат, в голове муть... в общем, полный набор удовольствий выздоравливающего.

– А, Кирилл, вижу, ты уже выбрался на свежий воздух, – неслышно возникший рядом подтянутый дядька весьма неопределенного возраста присел рядом, не спрашивая разрешения... Впрочем, пришлось напомнить себе, что единственный человек здесь, у которого Владимир Александрович Гдовицкой, будучи начальником охраны, действительно обязан спрашивать разрешения сделать что-либо, это глава рода боярин Громов, мой номинальный дед, так сказать.

– Да вот устал лежать, Владимир Александрович. Скучно. Даже шрамы на морде считать и то надоело, – вздохнул я, закрывая глаза и подставляя лицо жаркому летнему солнцу. У юношеского тела, пусть даже и в таком вот покоцанном состоянии, есть один несомненный плюс. Окружающая реальность воспринимается куда ярче и... полнее. Словно в детство верну... м-да уж.

– Эскулап наш Иннокентий Львович говорил, что через пару дней от них и следов не останется, – осторожно заметил мой собеседник.

– Знаю. Мне он то же самое говорил. Но в боксе все равно больше заняться нечем. Вот и люблюсь на свое отражение. Спасибо сестричкам, позаботились о развлечении, – кивнул я, не открывая глаз.

– Да уж... – кажется, сосед совсем не рад такому повороту нашей беседы. – Ирина Михайловна сегодня за обедом опять о тебе справлялась.

– Какая трогательная забота. Передайте ей мое почтение и благодарность, Владимир Александрович... – Хм, не любил Кирилл тетку, ох не любил. Да только с чего это меня так передергивает, а? Мне-то она никто, и звать ее никак. Дела-а...

– Еж, ну натуральный еж. Только что иголок нет, – со вздохом заметил мой собеседник.

– Ничего, тренер, дайте срок, вырастут... а там и за когтями-клыками дело не заржавеет, – откликнулся я и почувствовал, как напрягся сидящий рядом человек.

– А ты изменился, Кирилл, – доверительным тоном заметил Владимир Александрович, мгновенно пряча сущность эсбэшника за маской тренера и учителя. – Вырос, наверное?

– Вряд ли, скорее, просто устал. – Я открыл глаза и, повернув голову к собеседнику, спросил: – А что, это плохо?

– Хм... Вырос-вырос, Кирилл Николаевич. Впору об эмансипации задуматься, – старательно натягивая беззаботную улыбку на лицо, проговорил тренер. Только

глаза у него остались слишком уж серьезными.

И я рискнул. Кирилл называл это «тронуть Эфир», я же всегда говорил: «напрячь чуйку». Но смысл один, и действие это мне знакомо давно и очень хорошо... Вообще все эти их «эфирные» техники до боли напоминают то, чему я учился Там, в Центре. Правда, здесь выбор приемов куда разнообразнее, а сами они... формальнее, что ли. Надо будет обязательно разобраться с этим делом. Непременно.

Как бы то ни было, «принюхавшись» к моему визави, я учуял только легкое одобрение в его эмоциях, что уже радовало. Но еще лучше было другое... боль, та самая жуткая головная боль, что в последнее время терзала мое тело Там, едва мне стоило воспользоваться своими умениями, здесь отсутствовала напрочь. А само действие, требовавшее раньше довольно серьезного усилия, теперь казалось естественным и простым... словно кружку воды выпить. Нет, ну правда... я чуть ногами не засучил от нетерпения, когда представил, во что тут может превратиться мой разгон. Как ребенок, честное слово.

Стоп. Ки... да черт возьми! Ромка, соберись, возьми себя в руки. Потом эмоциями фонтанировать будем.

– И куда мне с этой самой эмансипацией потом деваться? Из родного-то дома, да без образования, профессии... на паперть идти? – А в Эфире толкнул я своему собеседнику... хм-м... эмоцию не эмоцию... скорее образ, окрашенный пониманием и согласием. Возможность свалить подальше от таких родственничков мне пришлось по душе.

– Да, правильно, правильно. Дом есть дом. Это я так, на тему твоей взрослости высказался, – тут же хмыкнул Владимир Александрович и, словно спохватившись, вытянул из кармана брюк широкий мужской браслет. – Вот! Я же чего пришел. Сам не раз у медиков гостевал, помню, как тут скучно бывает. А Иннокентий Львович сказал, что тебе уже читать можно. Держи, уж извини, в твоей комнате взял. Хорошая библиотека у тебя там, кстати, подобрана, – постучав по краю протянутого мне «украшения», заметил тренер.

– Ох, вот за это спасибо, Владимир Александрович! – искренне благодарю собеседника, прилаживая обновку на запястье и судорожно пытаюсь вспомнить принципы управления здешним аналогом планшета и мобильного в одном

флаконе.

– Да не за что, Кирилл. Я, кстати говоря, скинул тебе на браслет восстановительную программу. Пока окончательно не придешь в норму, будешь заниматься по ней, – поднимаясь с лавочки, улыбнулся тренер. – Не скучай. Иннокентий Львович обещал выписать тебя уже через пару дней... А мне, извини, пора. Дела-дела, заботы.

Разобраться с управлением браслетом оказалось не сложнее, чем с обычным мобильником. Несколько рун, выгравированных на внешней его стороне, при касании активируют полупрозрачный экран, размер и расположение которого в воздухе можно менять одним движением руки. Для окружающих, кстати, экран невидим – по желанию, так сказать. Меню и пиктограммы также реагируют на прикосновение. Есть и возможность вызова клавиатуры... Да только с ней придется повозиться. Это не знакомая и понятная QWERTY, а нечто другое. Совершенно иное расположение знаков, тройная раскладка: кириллица, латиница и... рунная, больше всего похожая на сильно модернизированный Футарк, если я не ошибаюсь, конечно. Ну да ладно, с этим можно разобраться и позже, а вот то, что интересует меня сейчас... Бегло пробежавшись по каталогу, нахожу последнюю созданную папку. «Российское законодательство». Ничего примечательного в названии нет, но... я-то знаю, что Кирилл никогда не интересовался юриспруденцией, так что... открываем.

Углубившись в чтение, я и не заметил, как подкрался вечер, и лишь сгустившиеся сумерки и возникший рядом со мной хозяин медблока заставили меня отвлечься от вороха документов.

– Кирилл, сколько можно тебя ждать? – Доктор попытался изобразить негодование, но... с его-то добрейшей круглой физиономией попытка заранее была обречена на провал.

– Прошу прощения, Иннокентий Львович, зачитался, – покаялся я, поднимаясь с лавочки. Доктор внимательно следил за моими движениями, готовый подхватить падающее тело в любой момент, и, когда я утвердился на ногах, удовлетворенно кивнул.

– Ну что ж, чтение – дело хорошее, но не в такой же темноте, Кирилл, – заметил целитель, когда мы входили в медблок. – Можно же было хоть свет на веранде

включить... Ладно. Давай-ка в процедурную. Потом ужин... и в койку.

Двух дней мне вполне хватило, чтобы разобраться с подсунутыми начальником СБ документами. Там было на удивление много интересных вещей, и некоторые из них вызвали у меня целый ворох вопросов. Например, если пакет документов об эмансипации был понятен, то выдержки из законодательства, касающиеся наследственного права, заставили меня хорошенько задуматься. Почему-то я следом за Кириллом решил, что раз отец не наследует главенство в роду Громовых, то у него и собственности никакой нет. Жили... мы... всегда в домах, принадлежащих роду, по крайней мере, частных квартир в памяти Кирилла не было, ездили на автомобилях с родовым гербом, хоть я и помню его весьма смутно, но... флажки были, это точно. В общем, логично было предположить, что собственного имущества, кроме разве что личных вещей, у моей семьи не было. По крайней мере, это было логично для четырнадцатилетнего паренька. Но подборка копий кое-каких частных документов, статей и комментариев к ним, сделанная Гдовицким, намекала на совершенно иное положение дел. И это... напрягало.

Казалось бы, с какой вообще стати я пусть и частично, но доверился начальнику службы безопасности имения Беседы, боярскому сыну рода Громовых, второму человеку в иерархии, если не брать в расчет кровных родовичей? Да только... я помню слова, сказанные им у окна медбокса, где в противоожоговой ванне плавало тело Кирилла Громова. Точнее, помнил их сам Кирилл, а мне его знание вроде как по наследству досталось. Ума не приложу, как парень мог их услышать, находясь в коме, за звуконепроницаемым стеклом бокса. Но факт - услышал и... воспользовался советом, данным ему тренером. А может, это сереброусый подсуетился... В общем, если прежний Кирилл кому-то и доверял хоть чуть-чуть среди своего окружения, это, несомненно, был Владимир Александрович Гдовицкой. Конечно, не лучшая рекомендация, но за неимением гербовой, как говорится... Да и не собираюсь я верить каждому слову начальника службы безопасности. Своя голова, как-никак, на плечах имеется.

Из медблока я выходил вполне выздоровевшим, хотя легкая слабость все еще давала о себе знать. Нет, все-таки здешние медицинские техники - это что-то...

Комната Кир... В общем, комната встретила меня жарой и спертым воздухом. Впрочем, чего еще следовало ожидать после недели-то отсутствия и запертых в разгар лета окон. Пришлось отложить планы по началу тренировок согласно выданной Гдовицким программе и приняться за уборку.

Вот за этим немудреным занятием меня и застал посыльный от Ирины свет Михайловны, с приглашением к обеду. Вовремя, надо сказать. Утром в медблоке меня не кормили, а время уже далеко за полдень. Поэтому, поблагодарив посыльного, удивленно взирающего на мокрую тряпку в моих руках, я заверил его, что буду вовремя, и, не дожидаясь, пока тот удалится на поиски остальных членов семьи, захлопнул дверь, которую посыльный, между прочим, отворил, даже не постучавшись.

Кстати, вот интересный момент. Обслуги в имении немерено. Но свои комнаты все дети, вне зависимости от статуса и положения в семейной иерархии, прибирают самостоятельно и не реже чем раз в неделю. Иначе можно схлопотать на орехи от главы местного женсовета, которым, понятно, является все та же Ирина Михайловна, как старшая женщина в семье. Супруга-то главы рода почила задолго до рождения внуков... вот и пришлось штатной красавице и жене наследника принять на себя тяжкое бремя руководства женской частью рода и домом. Ну а с таким, с позволения сказать, правлением я не вижу ничего удивительного в том, что из когда-то вполне вменяемых девчонок, какими еще помнил своих двоюродных сестер-близняшек прежний Кирилл, выросли такие отмороженные на всю голову стервы. Сила кружит головы не хуже власти, а уж дури-то у них до хрена и больше. Это даже штатные боевики рода признают...

Черт, как же сложно с этими новоявленными воспоминаниями. Порой они мне кажутся полным бредом, а иногда... настолько органичны, что я даже не сразу определяю их происхождение. Не-не-не... стоп. Так и до шизофрении докатиться можно. Все. С этого момента прекращаю даже мысленно разделять себя и прежнего Кирилла. Отныне есть только один человек – Кирилл Николаевич Громов... по прозвищу Обжора.

Кстати, об обжорстве... Пора бы выдвигаться в сторону столовой. До обеда осталось чуть больше десяти минут. А ни дед, ни тетка терпеть не могут опозданий на такие вот «официальные» семейные посиделки. Дядьке, правда, все равно, но... Думаю, это только от того, что он сам редко бывает в имении. Все больше в столице время проводит, присматривая за экономической составляющей рода... Ну и черт бы с ним.

За столом, как и ожидалось, собралось лишь шесть человек. Боярин Громов, Георгий Дмитриевич, как ему и положено по статусу, во главе стола. С торца, слева от него, с видом королевы на троне, демонстрируя шикарное декольте

и частично его оч-чень аппетитное содержимое, восседает Ирина Михайловна, невозмутимая, словно каменное изваяние. Рядышком с ней устроились мои двоюродные сестренки, блондинистые длинноногие существа, обещающие в скором времени стать достойным по красоте продолжением линии своей великолепной матушки. Правда, для этого им нужно чуток подрасти и еще немного округлиться в... нужных местах, в изяществе же и плавности движений они и сейчас могут дать фору Ирине Михайловне, особенно если будут выступать вдвоем. Убойнейшая штабелеукладка для пылких юношей всех возрастов... жаль только, характером подкачали. Впрочем, это им тоже досталось по наследству. А по другую сторону стола и соответственно по правую руку от деда устроился мой братец Леша. Тоже двоюродный... Да только ни ума сестер, ни отцовской харизмы в нем нет вообще. Он – грубая сила, давно и прочно оседланная близняшками, как казалось Кириллу, и я склонен с ним согласиться. Пока, по крайней мере. Коренастый, ширококостный, русский, эдакий шкафчик... дубовый, ага.

Ну и я, стало быть, шестой в этой дружной компании.

– Добрый день, – отвечаю сидящим за столом короткий полупоклон.

– Здравствуй, здравствуй, внук. – Дед – единственный, кто ответил на мое приветствие вслух, остальные отделались короткими небрежными кивками. А старый даже улыбнулся так слегка... и смотрит вроде как благожелательно, но... черт его знает, что он на самом деле думает. – Садись за стол, не заставляй ждать.

Обед прошел в молчании. Даже банального «передайте соль/хлеб/парабеллум...» и то не было. А вот за чаем начались разговоры. Правда, все мимо меня. Вроде как и нет здесь некоего Кирилла Громова. Только дед посасывает трубку да посматривает сквозь дымные облачка с эдаким любопытством... Надоело.

Поднимаюсь из-за стола, коротко киваю и, пока никто не возмутился – ну как же! вперед старших лезет! – молча покидаю «высокое собрание». Выхожу из столовой, аккуратно прикрыв за собой дверь, и краем глаза замечаю за окном расхаживающего по веранде охранника с сигаретой в зубах. Наверное, только что со смены.

Кирилл не курит, а вот я... мозг тут же начинает сучить лапками и требует «соску». Да черт с тобой! Решительно открываю высокое «французское» окно.

– Коля, сигареткой угости, а?

Охранник удивленно хлопает глазами и на автомате протягивает початую разноцветную пачку фабрики неких братьев Румянцевых.

– Спасибо. Я всю возьму?

Николай явно собирается что-то возразить, но пачка уже скрывается в кармане брюк, а одна из сигарет оказывается во рту.

А теперь попробую повторить тот фокус, что тренировал Кирилл незадолго до своей последней и такой неудачной для него полевой практики с родственниками. Коротким энергичным усилием разогреваю воздух у кончика сигареты, секунда, другая – и папиросная бумага вспыхивает, а следом за ней начинает тлеть и табак. Получилось... Брови Николая ползут вверх. Ну да, слабосильный новик, оперирующий Огнем, по определению доступным стихийникам лишь с уровня воя, вне зависимости от наследной склонности к стихиям, это ведь нонсенс, не так ли? А вот хрен вам. Физика – она везде физика... Хотя, конечно, это не работа с огненной стихией, так, легкая профанация, но полезная, этого не отнимешь. А при должном упорстве такой подход может дать немало, очень немало. Особенно такому слабаку, как я...

Подмигиваю ошеломленному охраннику, но радость от успеха моментально перебивается жутким кашлем, неминуемо последовавшим за первой затяжкой. Несколько новых попыток, и... м-да... а стоит ли начинать новую жизнь со старых привычек?

Накатывает легкая эйфория, и я, вспомнив кое-какой опыт работы Кирилла с дыхательной системой, успокоенно вздыхаю. Очистить легкие проблемой не будет, а если подналечь на Эфир с изучением целительских техник, все как одна на нем основанных, то и о прочих негативных последствиях курения для организма можно забыть.

– Э-э... Кирилл? – ошеломленно взиравший на меня боец качает головой, но я его перебиваю:

– Им все равно по фиг, а мне нервы успокоить в самый раз.

– Ладно. Твое дело. – Охранник машет рукой, и я, благодарно кивнув, спускаюсь с веранды, чтобы дойти до своей комнаты по двору. Благо окно открыто для проветривания, так что забраться внутрь труда не составит. У нужного окна аккуратно затаптываю окурок и, перебравшись через подоконник, выбрасываю «бычок» в мусорное ведро, уже забитое всяким хламом. Вот так. Осталось закончить уборку – и вперед, на полигон... Надо же полноценно опробовать свои невеликие, по мнению окружающих, возможности...

Глава 3

Думки-задумки и побег из курятника

Итак, посмотрим, что я умею и как это соотносится со здешними... хм... представлениями о человеческих возможностях и умениях.

Два часа я отрабатывал на пустом полигоне свои стихийные техники, как самую интересную для меня «прежнего» часть умений. И ведь умом понимаю, что все это теперь в моей памяти отложено – и как, и что, и «зачем» с «почему», – но проверить каждый вспоминаемый элемент все равно тянет со страшной силой. А когда почувствовал, что окончательно выдохся, присел на бревнышко под небольшим навесом, в уголке полигона, и принялся прикидывать, как эти самые стихийные техники – если быть точным, воздушные и чуть-чуть водных – вписываются в здешнюю «табель о рангах»... Да, есть здесь такая. Состоит всего из четырех ступеней, по возрастающей. Новик – ему доступны лишь вода и воздух, как самые «легкие» стихии, да и то в очень небольших пределах. Вой способен по чуть-чуть оперировать всеми четырьмя стихиями и очень неплохо владеет «наследственной» стихией, то есть той, к которой имеют склонность представители его рода. Гриденъ – ему доступны энергозатратные техники всех четырех стихий, а также он может выкинуть очень неприятный фокус, а то и не один, в своей «родной» стихии. Иногда неприятный даже для стихийников высшего ранга, ярых. А ярый... это вообще черт знает что и сбоку бантик. Всяческие «огненные штормы», «ледяные бури» и «длани неба» с «дрожью земли» – это техники уровня ковровой бомбардировки, или удара

полка «градов». А трое ярых, объединившись, могут жахнуть как тактический ядерный заряд весом в пять-шесть килотонн. Вот такая вот арифметика. На что способен так называемый «полный круг» из дюжины ярых, или по европейской классификации экселенц, я даже думать не хочу. Дурно становится, честное слово.

Деления эти, правда, довольно условные. Поскольку, например, начинающий вой и в подметки не годится вою-среднячку, а старший вой раскидает обоих и не поморщится. Правда, официально всех этих «младших», «средних» и «старших-высоких» не существует. Но все всё понимают, и только что сдавший экзамен на воя стихийник не будет даже рассчитывать на победу в столкновении с воем, уже пять-шесть лет оттачивающим техники этой ступени. Хотя бывают и исключения, конечно, но чаще всего они связаны со стихийниками, достигшими своего потолка. Такой вой, например, может изрядно удивить даже гридня-среднячка просто за счет виртуозной техники владения доступными ему силами. Но все это лирика...

А для меня важно другое. Если следовать этому делению на ранги, то мои умения сейчас находятся на уровне новика-среднячка... причем если с воздухом дела обстоят еще более или менее нормально для низшего ранга, то с водой... хм, в общем, можно считать, что ее у меня нет. Пара оказавшихся доступными мне простейших техник, годных разве что для того, чтобы не сдохнуть в пустыне от жажды, и в расчет ее можно и не брать. Не сказать, что от результата я приуныл, но пришлось признать, что стихийник из меня действительно очень слабый. По уровню знаний, спасибо обучению в роду, вполне могу претендовать на воя, а вот по силе – полный облом. И прогресс если и будет, то невеликий. То есть максимум вой, да и то младший, и без всякой надежды на «открытие» остальных стихий. А то и вовсе старший новик. И становится понятным то пренебрежение, с которым ко мне относятся в доме. Слабак... прямой укор могуществу рода, где члены семьи, даже женщины, при всей здешней патриархальности (довольно кривобокой и неоднозначной, смею заметить), должны быть сильными стихийниками. Традиция... И я ее нарушаю одним своим существованием. Неудивительно, что сестренки с теткой то и дело о грядущем изгнании намекают... Ну, как намекают? Прямым текстом, в глаза говорят. А дед, который боярин Громов, глава рода, и прочая, и прочая, молчит... И мне это не нравится. Что такое это самое изгнание – ни мне, ни Кириллу толком неизвестно. Точнее, Кирилл считал его чем-то вроде той самой эмансипации и не особо по этому поводу напрягался. А вот меня терзают смутные сомнения. Эмансипация в моем положении штука неплохая... но, зная близняшек и тетку так, как знал их Кирилл, сложно предположить, что они стали бы радоваться

такому приятному для меня сюрпризу, как полное освобождение из-под опеки рода. А значит, изгнание – это что-то другое...

Я вздохнул и, вытряхнув из головы неуместные мысли, вернулся к своим опытам в новой для меня, но привычной и обидной для Кирилла области. Его можно было понять. Если бы ранг зависел только от знаний, сейчас Кирилл запросто мог претендовать на воя, но... в том-то и дело, что одними знаниями ступени не взять. Нужна сила... точнее, большая пропускная способность тела. А вот с этим у меня швах. Так что, даже зная теоретически, как воплотить, допустим, ту же «длань неба» или «дрожь земли» – приемы, входящие в экзамен на ярого, – у меня просто не хватит дури, чтобы их воспроизвести. В лучшем случае подобная техника у меня просто схлопнется, обернувшись порывом ветра, а в худшем, если вдруг вздумаю ее поддерживать дольше возможного, превращусь в мумию, которую можно будет выставить в какой-нибудь боевой школе в качестве назидания слишком много мнящим о себе ученикам. Так что о высоких ступенях и изображении ОМП[З - Оружие массового поражения.] можно забыть. Ну, собственно, память сей вывод подтверждает, так что ничего удивительного.

Теперь идем дальше. Эфирные техники. М-да, это штука куда более универсальная, нежели стихийные школы, но и у нее есть свои ограничения. Эфирные техники позволяют воздействовать и на живое, и на неживое... примером тому может послужить засилье рунных артефактов – от средств связи до средств передвижения. Да-да, здешние автомобили, точнее, их движители, по сути своей, есть не что иное, как большие артефакты... Но и это еще не все. Эфирные техники, помимо артефакторики, используются в целительстве... и, скажем так, в ментальных искусствах. Нет, ни о каком чтении мыслей и речи нет. Зато считать эмоции с помощью Эфира – дело несложное. Мороки и иллюзии туда же. Подслушать кого-то на расстоянии, что-то подсмотреть – тоже не проблема, если, конечно, объект не озаботился защитой, эфирной или стихийной. Кстати, многие кинетические щиты младших ступеней также строятся на эфирных техниках, но бойцы предпочитают защищаться доступными стихийными приемами, ввиду их большей эффективности. А уж вои, которым становятся доступными сложные техники «наследной» стихии, – те и вовсе забывают об эфирных щитах как о страшном сне...

В общем, Эфир – штука весьма разносторонняя. Но есть и минус. От любой, даже самой изощренной, его техники можно защититься намного более простыми стихийными щитами или вовсе разрушить ее с помощью энергоемкой,

но опять же куда более простой стихийной атаки. В общем, не панацея... Но тут у меня есть козырь, о котором местные, кажется, даже не задумываются. Почему я в этом уверен? Потому что Кирилл не знал о такой штуке, как мой разгон... а уж он-то искал все, что связано с возможным увеличением собственных возможностей. Искал исступленно, можно сказать, был одержим этой идеей. И в воспоминаниях об учебе у отца, которые мой предшественник ввиду их яркости и нереальной точности величал «записями», тоже ничего подобного не упоминалось и не демонстрировалось. И раз он не нашел ничего подходящего, значит, по крайней мере, подавляющее большинство здешних мастеров даже не пытается накачивать Эфиром собственное тело, напивая им нервные ткани, мышцы и связки, укрепляя кости. А для меня это так же естественно, как дыхание. Ну, вспоминая, какой болью сопровождались подобные экзерсисы в последние годы моей жизни Там... скажу честнее: почти так же естественно.

Я тронул Эфир, «ощупывая» пространство вокруг, и одновременно окинул взглядом полигон. Вроде бы пусто. Замечательно. Ну-ка попробуем мой разгон... Вот и камешек подходящий. Рука потяжелела, наливаясь теплом. Короткий удар... и в стороны шрапнелью брызнул щебень. Ха! Сработало.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Пистолет системы Ярыгина.

Росомаха славится своей злопамятностью, агрессивностью и хитростью, способна преследовать свою жертву десятки, а то и сотни километров. Порой этот хищник может оказаться опаснее медведя, хотя по размерам сильно ему уступает. На латыни название этого животного Gulo-Gulo. В свою очередь, gulo переводится на русский язык как обжора. Отсюда и упомянутый главным героем русско-латинский «вариант» прозвища.

Оружие массового поражения.

Купить: https://tellnovel.com/ru/demchenko_anton/vozdushnyy-strelok-boyarich

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)